Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 11 (2021)

Содержание

В сфере административно-правовых отношений..... 4
право на уважение частной жизни (сбор и сохранение биометрических данных на удостоверениях личности)..... 4
практика Комитета ООН по правам человека..... 4
вопросы административного выдворения (отсутствие надлежащей оценки властями государства, осуществляющего выдворение, возможности оказания выдворяемому лицу медицинской помощи в государстве, в пределы юрисдикции которого предполагается выдворить указанное лицо) 7
практика Комитета ООН по правам инвалидов..... 7

В сфере гражданско-правовых отношений..... 12
вопросы определения размера присуждаемой компенсации морального вреда, причиненного вследствие нарушения права лица не подвергаться пыткам, иному бесчеловечному обращению (определение размера компенсации морального вреда, причиненного лицу вследствие установленного факта жестокого обращениям с ним со стороны сотрудника правоохранительных органов) 12
практика Европейского Суда по правам человека 12
право на свободу выражения мнений (запрет адвокату заниматься адвокатской деятельностью и наложение на него санкции за выраженное мнение) 13
практика Комитета ООН по правам человека..... 13
право на социальное обеспечение (вопросы назначения пенсии по старости)..... 17
практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин..... 17

В сфере гражданско-процессуальных отношений..... 21
право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение органом исполнительной власти вопроса о прекращении действия лицензии на осуществление адвокатской деятельности)..... 21
практика Комитета ООН по правам человека..... 21

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений 22

право не подвергаться пыткам, иному бесчеловечному обращению (в аспекте определения размера присуждаемой компенсации морального вреда) 22
практика Европейского Суда по правам человека 22
право на справедливое судебное разбирательство в аспекте недопустимости использования доказательств по делу, полученных вследствие подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов 24
практика Европейского Суда по правам человека 24

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3–33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека[1].

[1] В рамках настоящего обзора понятие «*межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека*» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, а также Европейский Суд по правам человека.

В сфере административно-правовых отношений

право на уважение частной жизни[2] *(сбор и сохранение биометрических данных на удостоверениях личности)*

практика Комитета ООН по правам человека[3]

Дело «***Махараджей Мадхевоо против Маврикия***». Соображения Комитета по правам человека от 24 марта 2021 года. Сообщение № 3163/2018[4].

Правовые позиции Комитета: вмешательство, разрешаемое государствами, может совершаться только на основании закона, который должен, в свою очередь, соответствовать положениям, целям и задачам Пакта[5]. Аналогичным образом, законом должны регулироваться сбор и хранение информации личного характера государственными властями или частными лицами или органами в компьютерах, банках данных или как-либо иначе[6]. Комитет напоминает, что вмешательство не является «неправомерным» по смыслу пункта 1 статьи 17 Пакта, если оно согласуется с применимым внутренним законодательством в его толковании национальными судами[7] (пункт 7.3 Соображений).

---

[2] **Для сведения**: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28123/.

[3] Комитет ООН по правам человека (далее – Комитет по правам человека, Комитет) действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (далее – Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

[4] Как следовало из текста Соображений, автор утверждал*:* Закон о национальном удостоверении личности с внесенными в него поправками затрагивает его права по статье 17 Пакта, поскольку он предусматривает обязательное использование и сохранение конфиденциальных персональных данных, предоставление которых государственным должностным лицам может потребоваться. Он также отмечал, что этот закон не отвечает требованиям законности, соразмерности и необходимости (пункт 3.1 Соображений).

[5] См.: Замечание общего порядка № 16 (1988) Комитета по правам человека о праве на неприкосновенность частной жизни, пункт 3.

[6] Там же, пункт 10.

[7] См.: дело *«Ван Хулст против Нидерландов»*, сообщение № 903/2000, пункт 7.5.

Комитет отмечает: введение понятия произвольности призвано обеспечить, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, «должно соответствовать положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае должно отвечать принципам разумности в конкретных обстоятельствах»[8]. Следовательно, любое вмешательство в личную и семейную жизнь должно быть соразмерным законной преследуемой цели и необходимым с учетом обстоятельств каждой конкретной ситуации[9]. Комитет напоминает, что государства должны принимать эффективные меры к тому, чтобы информация, касающаяся личной жизни какого-либо лица, не попадала в руки лиц, которые не имеют разрешения на ее получение, обработку или использование, и к тому, чтобы такая информация никогда не использовалась в целях, не совместимых с целями Пакта[10] (пункт 7.4 Соображений).

Учитывая характер и масштабы вмешательства, возникающего в связи с обязательной обработкой и регистрацией отпечатков пальцев, Комитет считает необходимым наличие четких, подробных правил, регулирующих сферу охвата и применение мер, а также минимальных гарантий, касающихся, в частности, хранения, в том числе его продолжительности, использования, доступа третьих лиц и процедур сохранения целостности и конфиденциальности данных, а также процедур их уничтожения, обеспечивая тем самым достаточные гарантии против риска злоупотреблений и произвола (пункт 7.6 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: вмешательство, ставшее предметом сообщения, в случае данной жалобы, то есть обработка и регистрация отпечатков пальцев, было предусмотрено разделом 4 (2 c) Закона о национальном удостоверении личности[11]. Комитет также отметил, что Верховный суд Маврикия установил*:* «существует закон, предусматривающий запись и сохранение отпечатков пальцев и других биометрических данных, касающихся личности человека». Комитет счел – аргумент автора относительно сферы действия некоторых положений Закона не позволяет ему сделать следующий вывод – обработка отпечатков его пальцев не предусмотрена законом. Поэтому Комитет не смог сделать вывод о том, что вмешательство в частную жизнь автора являлось неправомерным (пункт 7.3 Соображений).

В данном деле Комитет принял к сведению замечание государства-участника о необходимости обеспечения баланса между защитой персональных данных и насущной общественной потребностью

---

[8] См.: Замечание общего порядка № 16 (1988) Комитета, пункт 4.

[9] См.: дело *«Тунен против Австралии»*, сообщение № 488/1992, пункт 8.3; и дело «*Вандом против Республики Корея»* (CCPR/C/123/D/2273/2013), пункт 8.8.

[10] Там же.

[11] Этот раздел гласит: «Каждое лицо, подающее заявление на получение удостоверения личности, должно ... (c) разрешить снять и зарегистрировать отпечатки пальцев и другую биометрическую информацию о себе».

предотвращения мошеннического использования персональных данных. Он отметил, что Верховный суд государства-участника справедливо постановил: снятие отпечатков пальцев оправдано целью предотвращения мошенничества. Комитет также указал, что власти государства-участника перенесли функцию сохранения данных о дактилоскопических отпечатках пальцев с систем органов власти на индивидуальных владельцев удостоверений личности, потребовав, чтобы такие данные были включены в само удостоверение. Автор, а также Судебный комитет Тайного совета отметили – данное изменение делает неэффективной цель сравнения с ранее представленными биометрическими данными и тем самым влияет на способность властей государства-участника предотвращать мошенническое использование персональных данных. Комитет подчеркнул, что государство-участник не ответило на этот конкретный вопрос и не объяснило, каким образом запись и сохранение данных об отпечатках пальцев на индивидуальных удостоверениях личности может эффективно предотвратить мошенническое использование персональных данных (пункт 7.5 Соображений).

Автор сослался в этой связи на вывод Верховного суда о том, что бессрочные запись и сохранение данных о дактилоскопических отпечатках пальцев в центральной базе данных является неконституционным. В результате власти государства-участника прекратили осуществлять запись и сохранение данных о дактилоскопических отпечатках пальцев именно таким образом. Тем не менее государство-участник не ответило на утверждение автора о том, что сохранение данных об отпечатках пальцев на индивидуальных удостоверениях личности усугубляет пробелы в системе безопасности, выявленные Верховным судом. В частности, автор указал: возложение ответственности за такое хранение на владельцев удостоверений личности сопряжено с рисками потери и хищения данных об отпечатках пальцев, учитывая легкость их копирования на поддельные карты[12]. Учитывая отсутствие информации, предоставленной государством-участником относительно осуществления мер по защите биометрических данных, хранящихся на удостоверениях личности, Комитет не смог сделать вывод о наличии достаточных гарантий против риска злоупотребления и произвольного вмешательства в право на неприкосновенность частной жизни в результате потенциального доступа к таким данным на удостоверениях личности. В свете вышеупомянутых озабоченностей по поводу способности

[12]Автор ссылается на экспертное заключение, представленное в ходе внутреннего разбирательства, относительно технологии радиочастотной идентификации (РЧИД), с помощью которой хранятся биометрические данные. Эксперт пояснил, что биометрические данные могут быть легко и без физического контакта скопированы без ведома владельца удостоверения с помощью считывающих устройств РЧИД, которые можно легко купить в информационно-телекоммуникацинной сети «Интернет».

системы помочь предотвратить мошенническое использование персональных данных Комитет счел, что [меры] по поводу безопасности не могут считаться [надлежащими]. Поэтому, несмотря на возможность существования оснований и обстоятельств, при которых обработка биометрических данных не приведет к произвольному вмешательству по смыслу статьи 17 Пакта, Комитет установил, что в конкретных обстоятельствах указанного дела запись и сохранение данных об отпечатках пальцев автора на удостоверении личности, как это предписано Законом о национальном удостоверении личности, будет представлять собой произвольное вмешательство в его право на неприкосновенность частной жизни, что противоречит статье 17 Пакта (пункт 7.6 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником прав автора, предусмотренных статьей 17 Пакта.

вопросы административного выдворения[13] *(отсутствие надлежащей оценки властями государства, осуществляющего выдворение, возможности оказания выдворяемому лицу медицинской помощи в государстве, в пределы юрисдикции которого предполагается выдворить указанное лицо)*

практика Комитета ООН по правам инвалидов

Дело «***З.Х. против Швеции***». Соображения Комитета по правам инвалидов от 6 сентября 2021 года. Сообщение № 58/2019[14].

---

[13] **Для сведения**: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам, связанным с защитой прав и свобод лиц при назначении им наказания в виде административного выдворения*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27085/.

Для сведения: в 2021 году в Верховном Суде Российской Федерации был подготовлен *Перечень докладов, принятых в рамках международных межправительственных организаций, о соблюдении прав и свобод человека в отдельных государствах* (по состоянию на 1 сентября 2021 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/30366/.

[14] Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что, выслав его в Афганистан, государство-участник нарушит его права по статьям 10 и 15 Конвенции о правах инвалидов, поскольку его высылка приведет к серьезному риску самоубийства и к другим угрозам для его жизни и здоровья. Он также обратил внимание: медицинские заключения, представленные национальным властям, свидетельствовали о том, что у него диагностированы длительные психические заболевания, и считал, что отсутствие

Правовые позиции Комитета: в статье 10 Конвенции [о правах инвалидов] государства-участники вновь подтверждают неотъемлемое право каждого человека на жизнь и принимают все необходимые меры для обеспечения его эффективного осуществления инвалидами наравне с другими. Комитет напоминает также, что согласно статье 15 Конвенции государства-участники принимают все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не подвергались пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания (пункт 10.2 Соображений).

Комитет отметил: в своих Замечаниях общего порядка № 31 (2004) Комитет по правам человека ссылается на обязательство государств-участников не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения непоправимого вреда, такого как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта (пункт 12). Он отмечает также, что Комитет по правам человека в своих предыдущих решениях указывал – опасность должна угрожать человеку лично[15] и для установления наличия реальной опасности причинения непоправимого вреда должен применяться высокий порог. По этой причине должны быть приняты во внимание все соответствующие факты и обстоятельства, включая общее положение в области прав человека в стране происхождения автора[16]. В своей правовой практике Комитет по правам человека подчеркивал, что значительный вес следует придавать оценке, проводимой государством, и что, как правило, именно органам государств надлежит рассматривать или оценивать факты и доказательства по конкретному делу, чтобы определить наличие угрозы, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна очевидной ошибке либо отказу в правосудии[17] (пункт 10.3 Соображений).

Комитет далее напоминает о своем решении по делу «*Н.Л. против Швеции*»[18], в котором он установил нарушение статьи 15 Конвенции в связи с тем, что государство-участник не оценило, сможет ли автор получить доступ в Ираке к медицинской помощи, соответствующей ее диагнозу, хотя она представила в национальные органы несколько медицинских

надлежащего медицинского лечения в Афганистане приведет к серьезному, быстрому и необратимому ухудшению состояния его здоровья, станет причиной сильных страданий или значительного сокращения продолжительности жизни (пункт 3.1 Соображений).

[15] См.: *«Х против Дании»* (CCPR/C/110/D/2007/2010), пункт 9.2.

[16] Там же и дело «*Х против Швеции»* (CCPR/C/103/D/1833/2008), пункт 5.18.

[17] См., например, дело «*К. против Дании»* (CCPR/C/114/D/2393/2014), пункт 7.4 и дело «*З.Х. против Австралии»* (CCPR/C/107/D/1957/2010), пункт 9.3.

[18] См.: CRPD/C/23/D/60/2019.

заключений, в которых состояние ее здоровья оценивалось как тяжелое и угрожающее жизни в отсутствии лечения, которое она получала в государстве-участнике. Комитет отмечает, что в этом решении была сделана ссылка на соответствующую правовую практику Комитета по правам человека[19], Комитета против пыток[20] и Европейского суда по правам человека[21]. Комитет отмечает, что общие принципы, сформулированные в этих решениях, были подтверждены в деле «*Н.Л. против Швеции*» (пункты 7.3–7.5) и остаются актуальными для оценки данного дела (пункт 10.4 Соображений).

Как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному делу входит в компетенцию судов государств-участников, если только не будет доказано, что такая оценка была явно произвольной или представляла собой отказ в правосудии[22] (пункт 10.8 Соображений).

Комитет напоминает о позиции Комитета против пыток и Европейского Суда по правам человека, согласно которой бремя доказывания лежит на авторе сообщения, который должен представить доказательства, способные продемонстрировать наличие серьезных оснований полагать, что в случае высылки он подвергнется реальному риску жестокого обращения. Тем не менее речь не идет о требовании четких доказательств, поскольку превентивная цель принципа, запрещающего принудительное возвращение (*non-refoulement*), имеет определенный элемент спекуляции (пункт 10.9 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: приняты к сведению утверждения автора о том, что, депортируя его в Афганистан, государство-участник нарушит его права, предусмотренные статьями 10 и 15 Конвенции, поскольку его высылка приведет к высокому риску самоубийства, а также к другим серьезным угрозам для его жизни и здоровья. Комитет принял также к сведению представленную автором информацию, что ему диагностировали тяжелую депрессию с психотическими признаками и он дважды проходил лечение в соответствии с Законом об обязательной психиатрической помощи, после того как у него появились галлюцинации и суицидальные настроения, и он совершил несколько попыток самоубийства. Комитет также учел аргумент автора о том, что хотя в ходе процедуры рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища он представил

---

[19] См.: дело «*Абдилафир Абубакар Али и Маюл Али Мохамад против Дании*» (CCPR/C/116/D/2409/2014), пункт 7.8.

[20] См.: дело «*Харун против Швейцарии*» (CAT/C/65/D/758/2016), пункты 9.7–9.11.

[21] См.: дело *Савран против Дании*, рассматривавшееся в Европейском Суде по правам человека, в котором суд постановил: высылка заявителя в Турцию без получения датскими властями достаточных и индивидуальных заверений в том, что заявитель получит необходимый уход в Турции, станет нарушением статьи 3 Европейской конвенции о правах человека.

[22] См.: дело «*Бахер против Австрии*» (CRPD/C/19/D/26/2014), пункт 9.7.

несколько медицинских заключений, подтверждающих, что ему также был поставлен диагноз параноидальной шизофрении, власти не сочли нужным повторно рассмотреть его ходатайство, с тем чтобы выяснить, сможет ли автор получить адекватное состоянию его здоровья лечение в свете нового диагноза. Комитет далее отметил утверждение автора о том, что в медицинских заключениях состояние его здоровья было описано как угрожающее жизни без лечения, но при этом его диагнозу власти придали меньшее значение, так как сочли, что его причиной стал отказ в удовлетворении его ходатайства о предоставлении убежища (пункт 10.5 Соображений).

Учитывая все вышеизложенные факторы, Комитет должен был определить, существуют ли серьезные основания полагать, что в соответствии со статьями 10 и 15 Конвенции автор столкнется с реальным риском причинения ему непоправимого вреда в случае его высылки в Афганистан, например, столкнется ли он с серьезным, быстрым и необратимым ухудшением здоровья, которое приведет к сильным страданиям или значительному сокращению продолжительности жизни[23]. Комитет отметил, что стороны не оспаривали поставленный автору диагноз посттравматического стрессового расстройства и тот факт, что он проходил лечение от этого заболевания, которое оценивалось как угрожающее жизни из-за риска самоубийства. Комитет далее обратил внимание на то, что из решения Суда по миграционным делам от 17 июля 2018 года следовало – диагноз автора «параноидальная шизофрения» не ставился под сомнение на национальном уровне, но был сочтен не представляющим собой новое обстоятельство, требующее повторного рассмотрения ходатайства автора о предоставлении убежища (пункт 10.7 Соображений).

Комитет указал на разногласие между сторонами в вопросе о том, соответствовала ли проведенная национальными властями оценка применимым стандартам в области прав человека применительно к утверждению автора о том, что он не сможет получить доступ к адекватной медицинской помощи в Афганистане. Комитет принял во внимание аргументы автора, что национальным властям необходимо было бы провести повторную оценку в свете его диагноза параноидальной шизофрении и что в любом случае соответствующая информация о стране не подтверждает позицию властей, считающих, что он сможет получить психиатрическое лечение, даже в связи с его посттравматическим стрессовым расстройством. В этой связи Комитет учел позицию Суда по миграционным делам, установившего: симптомы и функциональные нарушения автора, которые оценивались Судом по миграционным делам в ходе первоначального разбирательства, в основном совпадали с симптомами и функциональными нарушениями, описанными в медицинских заключениях, которые

[23] См.: дело «*Н.Л. против Швеции*», пункт 7.5.

подтверждали диагноз «параноидальная шизофрения» автора…. С учетом того факта, что органы, рассматривающие ходатайства о предоставлении убежища, провели оценку рисков, связанных с состоянием психического здоровья автора, Комитет не смог сделать вывод о том, что отказ властей государства-участника провести отдельный анализ рисков в рамках нового производства, основываясь на новом диагнозе автора, сделал отклонение ходатайства автора о предоставлении убежища произвольным или равносильным явной ошибке или отказу в правосудии (пункт 10.8 Соображений).

По мнению Комитета, автор справился с бременем доказывания[24]. Национальные же власти не смогли развеять сомнения в существовании угроз для автора в случае возвращения в Афганистан. В этой связи Комитет отметил: национальные власти связали плохое состояние здоровья и суицидальные настроения автора в первую очередь с его разочарованием результатами процесса рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища, что, по-видимому, необоснованно снизило вес утверждений автора по поводу его диагноза. Комитет указал на вывод миграционных властей о том, что медицинская помощь, необходимая для предотвращения нарушения прав автора по статье 15 Конвенции, будет доступна ему по возвращении в Афганистан. Основой для такого вывода послужили отчеты об общей ситуации с доступностью услуг здравоохранения в Афганистане, которые тем не менее указывали на ограниченный доступ к психиатрической помощи и к лекарственным препаратам. Дополнительные надежные источники информации о ситуации в сфере здравоохранения в Афганистане, с которыми консультировался Комитет, сообщали о недостатке подготовленных специалистов (психиатров, социальных работников и психологов), инфраструктуры и понимания важности проблем психического здоровья, а также о крайней ограниченности ресурсов для население численностью более 30 млн. человек. Комитет отметил следующее – национальные власти в значительной степени признали эти недостатки, что дало серьезные основания усомниться в доступности медицинской помощи, необходимой автору для предотвращения нарушений его прав по статье 15 Конвенции о правах инвалидов... В этих условиях власти государства-участника были обязаны оценить, в какой степени автор действительно будет иметь доступ к необходимым медицинским услугам в Афганистане, и в случае сохранения серьезных сомнений получить от этого государства достаточные индивидуальные гарантии. Комитет обратил внимание на утверждения

[24] Как было отмечено выше, Комитет напомнил о позиции Комитета против пыток и Европейского Суда по правам человека, согласно которой бремя доказывания лежит на авторе сообщения, который должен представить доказательства, способные продемонстрировать наличие серьезных оснований полагать, что в случае высылки он подвергнется реальному риску жестокого обращения.

государства-участника, что высылка автора будет осуществлена таким образом, чтобы свести к минимуму его страдания, в этой связи недостаточны. Поэтому Комитет счел – индивидуальные гарантии были бы особенно важными в обстоятельствах данного дела, учитывая, что автор покинул Афганистан в очень юном возрасте 13 лет назад и что, согласно сообщениям, возвращающиеся люди могут сталкиваться с особыми трудностями в получении доступа к услугам здравоохранения (пункт 10.9 Соображений).

С учетом этих обстоятельств Комитет констатировал – остаются серьезные сомнения в том, действительно ли автор будет иметь доступ к адекватной медицинской помощи, чтобы предотвратить нарушение его прав по статье 15 Конвенции в Афганистане. Поэтому он не смог сделать вывод: оценка национальных властей относительно существования реального риска причинения непоправимого вреда автору в стране его происхождения не была произвольной.

Выводы Комитета: высылка автора в Афганистан в случае ее осуществления будет означать нарушение его прав по статье 15 Конвенции.

В сфере гражданско-правовых отношений

вопросы определения размера присуждаемой компенсации морального вреда, причиненного вследствие нарушения права лица не подвергаться пыткам, иному бесчеловечному обращению (*определение размера компенсации морального вреда, причиненного лицу вследствие установленного факта жестокого обращениям с ним со стороны сотрудника правоохранительных органов*)[25]

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд) по жалобе № 15010/11 по делу «***Пузырев против Российской Федерации***» (вынесено 16 февраля 2021 года, вступило в силу 5 июля 2021 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года (далее –

[25] **Для сведения**: в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию* (обновлено по состоянию на 1 ноября 2020 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/29487/

Конвенция) в связи с несопоставимо низким размером компенсации морального вреда, присужденной заявителю ввиду установленного судами Российской Федерации факта жестокого обращениям с ним со стороны сотрудника правоохранительных органов. Более подробная информация об этом деле изложена ниже.

право на свободу выражения мнений[26] *(запрет адвокату заниматься адвокатской деятельностью и наложение на него санкции за выраженное мнение)*

практика Комитета ООН по правам человека

Дело «***Олег Агеев против Республики Беларусь***». Соображения Комитета по правам человека от 15 июля 2021 года. Сообщение № 2862/2016[27].

Правовые позиции Комитета: концепция определения прав и обязанностей[28] «в каком-либо гражданском процессе» является сложной. Она по-разному формулируется в текстах Пакта на различных языках, которые, согласно его статье 53, считаются равно аутентичными, и подготовительные материалы не разрешают проблемы расхождений в текстах на разных языках. Комитет отмечает, что в основе концепции «гражданского процесса» или его эквивалентов в текстах на других языках лежит, скорее, природа данного права, а не статус одной из сторон или

[26] **Для сведения**: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на свободу выражения мнения*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/26427/.

[27] Как усматривалось из текста Соображений, автор утверждал, что его право на свободу выражения мнений было необоснованно ограничено вследствие запрета заниматься профессиональной деятельностью и наложения на него санкций за выражение мнения. По мнению автора, вопреки гарантиям, предусмотренным пунктами 1 и 3 статьи 14 Пакта, дело автора было рассмотрено Квалификационной комиссией Министерства юстиции, которая не является независимым органом. Автор не был уведомлен о выдвинутых против него обвинениях и узнал о них только после того, как Квалификационная комиссия приняла решение о прекращении действия его лицензии, и не был приглашен на заседание Комиссии.

[28] См.: Замечание общего порядка № 32 (2007), пункт 16.

конкретного форума, предоставляемого внутренними правовыми системами для определения конкретных прав[29]. Эта концепция охватывает:

a) судебные процедуры, призванные определять права и обязанности, имеющие отношение к областям договоров, имущества и гражданских правонарушений в области гражданского права;

b) эквивалентные понятия в области административного права, такие как увольнение государственных служащих по причинам иным, нежели дисциплинарные, определение пособий по системе социального страхования или пенсионные права военнослужащих, или процедуры, касающиеся использования государственных земель или изъятия частной собственности. Наряду с этим она может охватывать другие процедуры, которые должны, однако, оцениваться в зависимости от каждого конкретного случая в свете природы данного права[30]. Комитет считает, что в данном случае применим третий сценарий, и полагает, что разбирательство, связанное с прекращением действия адвокатской лицензии автора, подпадает под понятие «гражданский процесс», поскольку оно связано с определением гражданских прав и обязанностей (пункт 7.4 Соображений).

Ссылаясь на пункт 13 своего [З]амечания общего порядка № 34 (2011), Комитет напоминает: свобода выражения мнений предполагает свободу прессы и других средств информации, которые могли бы комментировать государственные вопросы без контроля или ограничений и информировать о них общественность, и что широкая общественность, в свою очередь, имеет право получать продукт деятельности средств информации. Комитет отмечает, что адвокаты, как и другие граждане, имеют право на свободу выражения мнений. В частности, адвокаты имеют право принимать участие в публичном обсуждении вопросов, касающихся права, отправления правосудия и поощрения и защиты прав человека[31] (пункт 7.11 Соображений).

Право, защищаемое пунктом 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, не является абсолютным и может быть подвергнуто определенным ограничениям. Однако любые ограничения должны быть предусмотрены законом и налагаться только по одному из оснований, изложенных в пункте 3 статьи 19, а именно – если они необходимы для защиты прав и репутации других лиц или для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Комитет напоминает также, что государство-участник должно предоставлять правовое обоснование любого

[29] См., например: Комитет по правам человека, дело «*И.Л. против Канады*», сообщение № 112/1981.
[30] См.: Замечание общего порядка № 32 (2007), пункт 16.
[31] Там же.

установленного ограничения на осуществление права свободного выражения мнений[32] (пункт 7.13 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: в отношении процедуры, которой воспользовалось Министерство юстиции, автор заявил, что он не был уведомлен о проводимой проверке его работы в качестве адвоката, и ему не сообщили, что его дело рассматривает Квалификационная комиссия, и поэтому он не знал о разбирательстве в его отношении и о том, как построить свою защиту. Автор утверждал, что существовали и другие возможности, например, дисциплинарная процедура в Минской городской коллегии адвокатов, которая могла быть задействована в данном случае, но к ней не прибегли. Кроме того, основания для создания Квалификационной комиссии Комитетом государственной безопасности по-прежнему держатся в тайне. В этом контексте из юридической консультации автора был изъят ряд документов, относящихся к его профессиональной деятельности, таких как: договоры с клиентами, журнал учета этих договоров и лицевые счета – ежемесячные отчеты перед Минской городской коллегией адвокатов по конкретным делам и размеру отработанного гонорара, которые впоследствии были использованы в разбирательстве против него. Кроме того, автор узнал от руководителя Минской городской коллегии адвокатов о том, что действие его лицензии будет прекращено только 14 февраля 2011 года, незадолго до того, как Министерство юстиции официально уведомило его о прекращении действия его лицензии 16 февраля 2011 года (пункт 7.5 Соображений).

Комитет отметил утверждения автора о том, что оценка его профессиональной деятельности и решение о прекращении действия его адвокатской лицензии были проведены исполнительным органом в обход компетентного регулирующего органа. Комитет также принял к сведению утверждение автора о том, что ему не позволили дать какие-либо объяснения в свою защиту и быть представленным адвокатом. Комитет далее отметил, что ни одно из этих утверждений не было рассмотрено или опровергнуто государством-участником (пункт 7.6 Соображений).

Комитет счел, что представленные факты, касающиеся обстоятельств отзыва адвокатской лицензии автора и способа, которым это было сделано, свидетельствовали о грубом и неоправданном вмешательстве властей государства-участника в основополагающий принцип независимости юристов[33] (пункт 7.7 Соображений).

Комитет отметил: сама серьезность санкции в рассматриваемом разбирательстве, которое привело к отзыву лицензии автора на осуществление адвокатской деятельности, требовала неукоснительного соблюдения и уважения всех гарантий надлежащей правовой процедуры и справедливого судебного разбирательства. Комитет принял к сведению

[32] См.: дело «*Корнеенко против Беларуси*» (CCPR/C/95/D/1553/2007).
[33] См.: Основные принципы, касающиеся роли юристов.

заявление автора о том, что он не был уведомлен о возбужденном против него разбирательстве, не имел возможности оспорить выдвинутые обвинения и не мог быть юридически представлен. Более того, само разбирательство производилось органом, состоящим из работников исполнительных органов, в обход компетентного регулирующего органа. Комитет счел, что такие процедуры были явно произвольными, предвзятыми и нарушающими принцип независимости юристов, и тем самым несовместимыми с основными гарантиями, изложенными в пункте 1 статьи 14 Пакта, которые требуют справедливого разбирательства дела обвиняемых компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (пункт 7.8 Соображений).

Комитет также отметил следующее – автор подвергся санкциям в виде лишения лицензии на занятие юридической практикой, в частности, за то, что он сделал публичное заявление в средствах массовой информации относительно прав задержанных на получение посылок. Среди этих задержанных был клиент автора, бывший кандидат в президенты, который был арестован по окончании выборов и содержался в следственном изоляторе Комитета государственной безопасности. Сам факт, что автор подвергся санкциям за общение со средствами массовой информации, равносилен ограничению его права на свободу выражения мнений (пункт 7.12 Соображений).

Комитет указал – тот факт, что автор подвергся суровому наказанию, в частности, за то, что сделал публичное заявление для средств массовой информации, не оспаривался. Комитет подчеркнул также, что ни государство-участник в контексте данного сообщения, ни национальные органы, рассматривавшие этот вопрос, включая суды, не представили никакого объяснения, имеющего отношение к обоснованию ограничения прав автора по пункту 2 статьи 19 для целей пункта 3 статьи 19 Пакта. В отсутствие какого-либо обоснования Комитет счел, что право автора на свободу выражения мнений, защищаемое пунктом 2 статьи 19 Пакта, было необоснованно ограничено и нарушено (пункт 7.14 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствовали о нарушении государством-участником пункта 1 статьи 14 и пункта 2 статьи 19 Пакта.

право на социальное обеспечение (вопросы назначения пенсии по старости)[34]

практика Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин[35]

Дело «***В.П. против республики Беларусь***». Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 28 июня 2021 года Сообщение № 131/2018[36].

---

[34] **Для сведения**: в 2019 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на труд и на социальное обеспечение*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2019 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27902/.

[35] Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет) действует на основании Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года (далее – Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция).

Российская Федерация является участником данного Протокола и Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Для сведения: в 2018 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица не подвергаться дискриминации*.

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2018 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/27156/.

[36]Как усматривалось из текста Мнений, автор утверждала, что отклонение ее заявления о назначении пенсии по старости нарушает положения статьи 11 (пункт 1 «е») Конвенции, поскольку влечет за собой косвенную дискриминацию в отношении женщин, так как у женщин чаще возникают перерывы в работе из-за того, что именно они обычно ухаживают за детьми и людьми с инвалидностью и, следовательно, не могут получить требуемый законом страховой стаж. Автор уточнила – согласно информации, полученной от представителей Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, в 2015 году женщины составляли 99 процентов лиц, осуществляющих уход за детьми в возрасте до 3 лет. Она утверждала, что, хотя положениями внутреннего законодательства установлены равные требования для мужчин и женщин, женщины поставлены в менее благоприятные условия. Женщинам гораздо труднее получить требуемый страховой стаж, особенно в условиях, когда деятельность по уходу, хотя и признанная на государственном уровне социально значимой, не засчитывается в него (пункт 3.1 Мнений).

Правовые позиции Комитета: Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин запрещает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и гражданской или любой другой области. Косвенная дискриминация связана с наличием законов, политики или практики, которые на первый взгляд кажутся нейтральными, но имеют несоразмерно серьезные последствия для осуществления закрепленных в Конвенции прав, о чем свидетельствуют запрещенные основания для дискриминации (пункт 7.4 Соображений).

Комитет отмечает, что право на социальное обеспечение имеет решающее значение для обеспечения человеческого достоинства. Осуществление права на социальное обеспечение имеет значительные финансовые последствия для государств, однако последние должны обеспечивать осуществление этого права хотя бы на минимально необходимом уровне. В частности, они должны обеспечивать доступ к программам социального обеспечения, которые гарантируют минимально необходимый уровень пособий без какой-либо дискриминации. Государства должны предоставлять не требующие предварительных взносов пособия, социальные услуги и другую помощь всем пожилым лицам, которые по достижении пенсионного возраста, установленного национальными законами, не успели внести все полагающиеся взносы в пенсионный фонд или по каким-либо иным причинам не пользуются правом на получение пенсии по социальному страхованию или других льгот социального обеспечения или социальной помощи и не имеют других источников дохода. При разработке программ, не требующих предварительной уплаты взносов, должен также приниматься во внимание тот факт, что женщины с большей долей вероятности, чем мужчины, оказываются в состоянии нищеты, зачастую вынуждены в одиночку ухаживать за ребенком и что чаще всего именно они не получают выплат по линии накопительных пенсий[37] (пункт 7.5 Соображений).

Комитет отмечает, что государства-участники обладают значительной свободой усмотрения при принятии мер, которые они считают необходимыми для обеспечения того, чтобы каждый человек мог осуществлять право на социальное обеспечение, в целях, в частности, обеспечения того, чтобы пенсионные системы были эффективными, надежными и доступными для всех. Поэтому государства могут устанавливать требования или условия, которым должны удовлетворять заявители, чтобы иметь право на участие в программах социального

[37] См.: дело «*Чобану против Республики Молдова*» (CEDAW/C/74/D/104/2016), пункт 7.6.

обеспечения или получать пенсию или другие пособия, но эти условия должны быть разумными, пропорциональными и транспарентными. В целом надлежащую информацию об этих условиях необходимо своевременно доводить до сведения общественности, с тем чтобы обеспечить предсказуемость доступа к пенсиям по выходу в отставку, особенно в тех случаях, когда меры, принимаемые государствами-участниками, носят регрессивный характер и не предусматривают каких-либо переходных мер для компенсации их негативных последствий[38] (пункт 7.6 Соображений).

Комитет считает: государства должны пересмотреть ограничения на доступ к программам социального обеспечения, чтобы убедиться, что они не допускают дискриминации в отношении женщин ни в законодательстве, ни на практике. В частности, государства должны учитывать тот факт, что из-за сохранения стереотипов и других структурных причин женщины тратят гораздо больше времени, чем мужчины, на выполнение неоплачиваемой работы, в том числе на уход за детьми с инвалидностью и без инвалидности. Государствам следует принять меры для устранения факторов, мешающих женщинам делать равные взносы в программы социального обеспечения, в рамках которых выплаты увязываются со взносами, или принимать во внимание такие факторы при разработке формул начисления пенсии, например, обеспечить учет времени, затраченного на уход за детьми, включая как детей с инвалидностью, так и детей без инвалидности, а также за взрослыми иждивенцами, особенно женщинами (пункт 7.7 Соображений).

Комитет считает, что если в сообщении представлена соответствующая информация, указывающая *prima facie* на существование законодательного положения, которое, хотя и сформулировано нейтрально, де-факто может затрагивать гораздо более значительную процентную долю женщин, чем мужчин, то государство-участник должно доказать, что такая ситуация не составляет косвенную дискриминацию по признаку пола (пункт 7.10 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было отмечено, что автор достигла пенсионного возраста, но не могла претендовать на пенсию по старости в соответствии с новыми требованиями, поскольку у нее не было необходимого страхового стажа (пункт 7.8 Соображений).

Комитет подчеркнул, что государство-участник ввело как накопительную, так и ненакопительную пенсионные схемы. Из них последняя обусловлена исключительно возрастом, в то время как для участия в первой требуется также в течение определенного времени делать отчисления в фонд пенсионного страхования. Комитет отметил: продолжительность времени, в течение которого требовалось делать такие отчисления, одинакова для мужчин и женщин. Согласно внутреннему

[38] Там же, пункт 7.7.

законодательству, периоды ухода за детьми и людьми с инвалидностью, периоды получения образования и прохождения военной службы не засчитываются в страховой стаж. В этой связи Комитет напомнил о доводе автора о том, что исключение деятельности по уходу из страхового стажа составляет дискриминацию в отношении женщин, поскольку они чаще осуществляют такую деятельность в силу воздействия культурных стереотипов, влияющих на распределение семейных ролей между представителями разных полов (пункт 7.9 Соображений).

Комитет принял во внимание статистические данные, представленные государством-участником. Эти данные показывали, что средняя продолжительность деятельности, не засчитываемой в страховой стаж, примерно одинакова для мужчин и женщин (в период 2012–2017 годов – 4,3 года и, соответственно, 4,5 года). Кроме того, в 2017 году подавляющее большинство женщин пенсионного возраста получали пенсию по старости (96,7 процента, тогда как для мужчин этот показатель составлял 89,4 процента). Доля женщин пенсионного возраста, которым было отказано в назначении пенсии по старости, была в целом очень мала и лишь незначительно превосходила соответствующую долю мужчин. Автор сообщения не оспаривала достоверность статистических данных, представленных государством-участником. Кроме того, Комитет отметил, что государство-участник ввело ряд особых пенсионных режимов с менее строгими требованиями к продолжительности страхового стажа, в частности для матерей нескольких детей и для матерей детей с инвалидностью. Комитет признал эту попытку защитить наиболее уязвимые группы населения от негативного воздействия повышения требований к страховому стажу. С учетом вышесказанного нельзя было утверждать, что законодательная основа сама по себе создает дискриминационную среду, более обременительную для женщин. Комитету оставалось рассмотреть вопрос о том, соответствовало ли применение пенсионных норм в случае автора сообщения требованиям Конвенции (пункт 7.11 Соображений).

Комитет сразу отметил – на момент достижения автором пенсионного возраста ее страховой стаж составлял всего 12 лет, 10 месяцев и 24 дня. В период 1998–2009 годов автор ухаживала за своими детьми, пока ее младшему сыну не исполнилось 14 лет. Комитет принял к сведению довод автора о том, что ей пришлось продлить отпуск по беременности и родам сверх положенных по закону трех лет, потому что ее сын часто болел. Однако автор не уточнила характер заболеваний сына, которые вынуждали ее воздерживаться от поиска оплачиваемой работы в течение столь длительного времени. Более того, хотя автор, отметив, что после 2009 года она не смогла найти работу, не объяснила, почему она обратилась за помощью в трудоустройстве только в 2016 году и почему, получив такую помощь в июне 2016 года, она отказалась от нее спустя несколько месяцев, 25 октября 2016 года. Она также не сообщила о том, пыталась ли она

оспорить в суде отказы частных работодателей принять ее на работу (пункт 7.12 Соображений).

Хотя изменения в пенсионном законодательстве, безусловно, повлияли на личную ситуацию автора, нельзя заключить, по мнению Комитета, что автор не смогла удовлетворить требованиям ни одной из существующих накопительных пенсионных схем исключительно по вине государства-участника. Автор не представила достаточного обоснования того, что ей было отказано в назначении пенсии по старости по той причине, что внутренняя законодательная основа и практика непропорционально неблагоприятны для женщин.

Выводы Комитета: внесение изменений во внутреннюю законодательную базу и требования для назначения пенсии по старости, а также последствия внесения этих изменений для автора не составили нарушения положений статьи 2 (пункты «b»–«d» и «f») или статьи 11 (пункт 1 «e»), рассматриваемой в совокупности со статьей 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

В сфере гражданско-процессуальных отношений

право на справедливое судебное разбирательство (рассмотрение органом исполнительной власти вопроса о прекращении действия лицензии на осуществление адвокатской деятельности)

практика Комитета ООН по правам человека

См. вышеприведенное дело «***Олег Агеев против Республики Беларусь***». Соображения Комитета по правам человека от 15 июля 2021 года. Сообщение № 2862/2016.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

право не подвергаться пыткам, иному бесчеловечному обращению[39]
(в аспекте определения размера присуждаемой компенсации морального вреда)

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд) по жалобе № 15010/11 по делу «***Пузырев против Российской Федерации***» (вынесено 16 февраля 2021 года, вступило в силу 5 июля 2021 года), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с несопоставимо низким размером компенсации морального вреда, присужденной заявителю ввиду установленного судами Российской Федерации факта жестокого обращениям с ним со стороны сотрудника правоохранительных органов.

Власти подтвердили, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению со стороны сотрудника полиции, несовместимому со статьей 3 Конвенции. Однако, по утверждению властей, заявитель утратил статус жертвы по следующим причинам. Окончательным приговором от 3 марта 2010 года районный суд признал Р.С. виновным в превышении должностных полномочий. Затем суд в порядке гражданского судопроизводства частично удовлетворил ходатайство заявителя и присудил ему 5 000 рублей в качестве компенсации морального ущерба, что представляло собой, по мнению властей, адекватную сумму компенсации (пункт 17 постановления).

Суд напомнил о принципах, ранее установленных в прецедентной практике в отношении статуса «жертвы» заявителя. Согласно данным принципам он должен проверить, с одной стороны, имело ли место со стороны национальных властей, по крайней мере, по существу, нарушение права, защищаемого Конвенцией, и, с другой стороны, можно ли считать

---

[39] Как было отмечено выше, в 2020 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов по вопросам защиты права лица не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию* (обновлено по состоянию на 1 ноября 2020 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2020 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/29487/.

предлагаемое возмещение адекватным и достаточным. В случае умышленного жестокого обращения, совершенного представителями государства в нарушение статьи 3 Конвенции, Суд неизменно указывал, что для того, чтобы возмещение было признано достаточным, необходимо применение двух мер. Во-первых, органы власти должны провести тщательное и эффективное расследование, которое может привести к установлению личности и наказанию виновных. Во-вторых, заявитель должен, если это применимо, получить компенсацию или, по крайней мере, иметь возможность потребовать и получить компенсацию ущерба, причиненного ему жестоким обращением (пункт 19 постановления).

Суд отметил, что национальные суды признали – заявитель был избит сотрудником полиции. После расследования, продлившегося менее двух лет, Р.С. был приговорен за злоупотребление властью к трем годам лишения свободы условно и к двум годам запрета занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления с испытательным сроком в один год. Было установлено, что сотрудник полиции Р.С. нанес несколько ударов заявителю (пункт 17 постановления).

Суд счел, что в свете совокупности аргументов сторон власти выполнили свои процессуальные обязательства в соответствии с положениями статьи 3 Конвенции, и власти, по сути, признали, что заявитель подвергся жестокому обращению вопреки гарантии статьи 3 Конвенции. Суд также должен был рассмотреть вопрос о том, было ли достаточным полученное возмещение в виде адекватных следственных действий и компенсации.

Суд повторил – статус заявителя в качестве жертвы может зависеть от суммы компенсации, присужденной ему на уровне государства за ситуацию, в отношении которой он обращается с жалобой в Европейский Суд. По данному делу Суд счел, что признание национальными судами жестокого обращения с заявителем не повлияло на статус «жертвы» в соответствии с положениями статьи 34 Конвенции, так как заявитель в качестве компенсации морального вреда получил 5 000 рублей (примерно 125 евро по курсу на тот момент), что ниже суммы, обычно присуждаемой Судом по тем делам, в которых им установлено нарушение статьи 3 Конвенции в делах против России (см. для сравнения дело *«Ильгиз Халиков против Российской Федерации»*, № 48724/15, § 45, 15 января 2019 года, и дело *«Самесов против Российской Федерации»*, № 57269/14, § 66, 20 ноября 2018 года). Следовательно, государство-ответчик не смогло в достаточной мере исправить обращение, противоречащее положениям статьи 3 Конвенции, от которого пострадал заявитель (пункт 22 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, заявитель требовал в том числе 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Суд присудил заявителю указанную сумму (пункт 32 постановления).

право на справедливое судебное разбирательство в аспекте недопустимости использования доказательств по делу, полученных вследствие подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов[40]

практика Европейского Суда по правам человека

В Верховный Суд Российской Федерации поступил неофициальный перевод постановления Европейского Суда по правам человека (далее – Европейский Суд, Суд) по жалобе по жалобе № 66152/14 по делу «***Кузьмина и другие против Российской Федерации***» (вынесено 20 апреля 2021 года, вступило в силу 20 июля 2021 года), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (право на справедливое судебное разбирательство) ввиду наличия недостатков в процедурах санкционирования и проведения проверочных закупок, которые, по мнению Европейского Суда, не гарантируют защиту от подстрекательства со стороны представителей власти, а также не являются предметом должного судебного контроля.

Заявители утверждали, что они были осуждены за преступления, которые они совершили только потому, что их подстрекал к этому провокатор. Они ссылались на пункт 1 статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд обратил внимание на то, что он сознает трудности, присущие задаче полиции по поиску и сбору доказательств с целью выявления и расследования правонарушений. Для выполнения этой задачи им все чаще приходится использовать тайных агентов, информаторов и тайные методы, особенно в борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Суд вновь заявил, что, хотя он признает использование тайных агентов в качестве законного метода расследования для борьбы с тяжкими преступлениями. Однако он требует, чтобы были предусмотрены адекватные гарантии против злоупотреблений, поскольку общественные интересы не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации полицией. Использование специальных методов расследования –

---

[40] **Для сведения**: в 2021 году в Верховном Суде Российской Федерации было подготовлено *Обобщение практики и правовых позиций Европейского Суда по правам человека по делам, где рассматривался вопрос о предполагаемом нарушении Российской Федерацией пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года в связи с совершением заявителями преступлений вследствие подстрекательства со стороны сотрудников правоохранительных органов* (актуализированное по состоянию на 1 ноября 2021 года).

Размещено на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» за 2021 год раздела «Документы». Режим доступа: URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/30515/.

в частности, тайных методов – должно быть сохранено в четких пределах из-за риска провокации полицией, связанного с такими методами (пункт 85 постановления).

Чтобы отличить провокацию, нарушающую пункт 1 статьи 6 Конвенции, от допустимого поведения при использовании законных тайных методов в уголовных расследованиях, Суд разработал критерии в своей судебной практике по этому вопросу. Поскольку, по мнению Суда, невозможно свести разнообразие ситуаций, которые могут возникнуть в этом контексте, рассмотрение жалоб на подстрекательство было разработано на основе двух критериев: материальной и процессуальной провокации (пункт 86 постановления).

(i) Материальная проверка провокации

При рассмотрении спорного заявления о провокации заявителя Суд в качестве первого шага устанавливает на основе имеющихся материалов, было ли преступление совершено без вмешательства властей, то есть, было ли расследование «по существу пассивным». При решении вопроса о том, было ли расследование «по существу пассивным», Суд рассматривает причины, лежащие в основе негласной операции, в частности, были ли объективные подозрения в том, что заявитель был вовлечен в преступную деятельность или был предрасположен к совершению уголовного преступления до тех пор, пока к нему не обратилась полиция (и поведение органов власти, осуществляющих его, в частности, оказали ли власти такое влияние на заявителя, чтобы спровоцировать совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем чтобы сделать возможным установление состава преступления, то есть представить доказательства и возбудить уголовное дело) (пункт 87 постановления).

Власти, с точки зрения Суда, должны иметь возможность продемонстрировать, что у них были веские причины для проведения тайной операции. В частности, они должны располагать конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что заявителем были предприняты первые шаги для совершения действий, составляющих правонарушение, за которое впоследствии был привлечен к ответственности заявитель. Суд подчеркнул: любая информация, на которую опираются власти, должна быть проверяемой. В случаях, когда полиция приступила к проверочной закупке сразу после первого сообщения, изобличающего заявителя, и без какой-либо попытки проверить эту информацию или рассмотреть другие средства расследования предполагаемой преступной деятельности заявителя, Суд устанавливает, что тайная операция включала подстрекательство. Напротив, если проверочной закупке предшествовал ряд следственных действий, в первую очередь санкционированное судом прослушивание телефонных разговоров, которые

обеспечило материальные доказательства ранее существовавшего умысла заявителя, и эти доказательства были затем доступны для изучения в открытом судебном заседании, Суд пришел к выводу: провокации не было (пункт 88 постановления).

Суд повторил, что в тех случаях, когда участие полиции ограничивается оказанием помощи частной стороне в регистрации совершения противоправного действия другой частной стороной, то определяющим фактором остается поведение этих двух лиц (пункт 89 постановления).

Суд также отметил необходимость четкой и предсказуемой процедуры санкционирования следственных действий, а также надлежащего надзора за ними. Суд обратил внимание на то, что судебный надзор, по его мнению, является наиболее подходящим средством в делах, связанных с тайными операциями (пункт 90 постановления).

(ii) Процессуальная проверка провокации

В качестве второго шага, когда власти не выполняют требование о доказывании того, что заявитель не подвергался провокации со стороны полиции, Суд исследует вопрос, как национальные суды изучили заявление заявителя о подстрекательстве, которое является процессуальной частью рассмотрения жалобы агента-провокатора (пункт 91 постановления).

В качестве отправной точки Суд должен быть удовлетворен способностью национальных судов рассматривать такую жалобу в порядке, совместимом с правом на справедливое судебное разбирательство. Таким образом, он должен проверить, является ли обоснованная жалоба на провокацию материальной защитой в соответствии с национальным законодательством или дает основания для исключения доказательств или приводит к аналогичным последствиям. Хотя Суд, как правило, оставляет за национальными властями решение о том, какую процедуру должны соблюдать судебные органы, когда они сталкиваются с заявлением о провокации, он требует, чтобы такая процедура была состязательной, тщательной, всеобъемлющей и убедительной по вопросу о подстрекательстве (пункт 92 постановления).

Более того, принципы состязательности и равноправия сторон необходимы при определении заявления агента-провокатора, а также процессуальные гарантии, связанные с раскрытием доказательств и допросом тайных агентов и других свидетелей, которые могли бы дать показания по вопросу о подстрекательстве (пункт 93 постановления).

В этой связи Суд также повторил – обвинение должно доказать отсутствие провокации при условии, что утверждения подсудимого не являются полностью неправдоподобными. На практике власти могут быть

лишены возможности выполнить это бремя из-за отсутствия официального разрешения и надзора за тайной операцией (пункт 94 постановления).

(iii) Предыдущие выводы в отношении Российской Федерации

Было обращено внимание на то, что в отношении Российской Федерации Суд ранее установил – в контролируемых полицией проверочных закупках и аналогичных тайных операциях полиция фактически не несет ответственности за поведение своих тайных агентов и информаторов из-за системного недостатка, а именно – отсутствия явной и предсказуемой процедуры санкционирования таких тайных операций (пункт 95 постановления).

Суд отметил, что, с его точки зрения, эта структурная проблема подвергает заявителей произвольным действиям со стороны представителей государства и мешает национальным судам проводить эффективный судебный пересмотр их заявлений о провокации. Суд постоянно устанавливал нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несовершенством существующей процедуры выдачи разрешений и проведения проверочных закупок наркотических средств в государстве-ответчике и неспособностью национальных судов надлежащим образом рассмотреть довод заявителя о провокации, приняв необходимые шаги для раскрытия истины и устранения сомнений в том, совершил ли заявитель правонарушение в результате подстрекательства со стороны провокатора. Такие же выводы были сделаны в отношении уголовных разбирательств, связанных с аналогичными тайными операциями, используемыми для расследования коррупции (пункт 96 постановления).

Исходя из критериев, изложенных в своей прецедентной практике, и используя методологию рассмотрения жалоб на провокацию, Суд счел, что девять рассматриваемых жалоб попадают в категорию «дел о провокации». Поэтому он продолжил оценку в соответствии с материальными и процессуальными критериями подстрекательства (пункт 97 постановления).

Что касается, во-первых, материального теста, то Суд отметил: во всех указанных делах власти утверждали – полиция действовала на основании информации, полученной из нераскрытого источника, за исключением одного из дел, где было указано, что информация получена от лица, задержанного по обвинению в хищении, которое затем выступило в качестве покупателя. Суд отметил, однако, что в двух других случаях, когда власти полагались на наличие информации из нераскрытого источника, материалы дел свидетельствовали, что проверочные закупки были проведены полицейским информатором или даже сотрудником полиции. В двух других делах материалы дела подтверждали: лица, выступавшие в качестве покупателей, были задержаны полицией по подозрению в совершении преступления, и еще в одном деле правдоподобное утверждение заявителя на

тот же счет осталось не опровергнутым в ходе внутреннего разбирательства. В остальных делах утверждения заявителя о том, что источником информации было то же лицо, что и покупатель, было подтверждено или не опровергнуто. Суд далее отметил – ни в одном из дел, в которых заявители утверждали, что их провоцировали, оспаривая наличие предшествующей информации об их преступной деятельности, от полиции не требовалось объяснять источники первоначальной информации, на которые они опирались, или раскрывать их (пункт 98 постановления).

Данное дело следовало схеме, согласно которой проверочная закупка была организована на основании предположительно спонтанного предоставления информации частным источником, который впоследствии действовал при проверочной закупке в качестве покупателя, и чья независимость от полиции не была в дальнейшем проверена судом первой инстанции. Учитывая важность разграничения, проведенного Судом между жалобой, поданной отдельным лицом, и информацией, поступающей от сотрудника полиции или информатора, Суд пришел к выводу: лица, выступавшие в качестве покупателей в рассматриваемых проверочных закупках, подвергались значительному риску распространения своей роли на роль агентов-провокаторов, способному привести к нарушению пункта 1 статьи 6 Конвенции (пункт 99 постановления).

Суд также установил, что во всех делах полиция, получив информацию из своих источников, приступила непосредственно к проверочной закупке, не рассматривая другие следственные действия для проверки подозрения в том, что заявители были торговцами наркотиками. В одном из дел попытка собрать дополнительные доказательства была предпринята только после того, как было вынесено распоряжение о проведении проверочной закупки, и нельзя сказать, что решение о проведении тайной операции было основано на результатах других мер расследования (пункт 100 постановления).

Как усматривалось из текста постановления, на основании материалов дела, с точки зрения Европейского Суда, трудно было сделать вывод о том, что у следственных органов были веские основания подозревать заявителей в торговле наркотиками. Суд счел, что неформальный и спонтанный способ, которым проверочные закупки были организованы и осуществлены в делах, привело к предположению, что провокация действительно имела место, была результатом несовершенной процедуры санкционирования проверочных закупок. Проверочные закупки были организованы простыми административными решениями органов, которые впоследствии проводили операции; в решениях содержалось очень мало информации о причинах и целях запланированных проверочных закупок, а операции не подвергались судебному пересмотру или иному независимому надзору. Не было необходимости в обосновании решения и практически никаких формальностей. Это подвергло заявителей, по мнению Суда, произвольным

действиям полиции, которые могли подорвать справедливость уголовного разбирательства в отношении них (пункт 101 постановления).

Обращаясь к процессуальному критерию, Суд всегда подчеркивал роль национальных судов в рассмотрении тайных операций, в частности, в системе, где полицейская операция проводится без достаточной правовой базы или надлежащих гарантий. Принимая во внимание важность тайных операций для исхода уголовного производства по делам заявителей и высокий риск провокации, национальные суды, подчеркнул Суд, должны были проверить, что способ, которым были назначены и проведены проверочные закупки, исключает возможность злоупотребления властью, например, провокации. Суд отметил, что на протяжении всего судебного разбирательства заявители утверждали, что их подстрекали к совершению преступлений. Соответственно, в каждом деле национальные суды были обязаны, согласно позиции Европейского Суда, рассмотреть заявление о провокации, включая, в частности, причины, по которым была проведена операция, степень участия полиции в правонарушении и характер любой провокации или давления, которому был подвергнут заявитель (пункт 102 постановления).

Однако суды, установил Суд, дали лишь ограниченную оценку утверждениям заявителя о провокации в каждом случае, не изучив причины тайной операции и обстоятельства, связанные с ней, и проигнорировали утверждения заявителя о давлении со стороны полиции во время тайной операции. Ни в одном из рассматриваемых дел следственные органы не доказывали и не должны были доказывать наличие у заявителей намерения совершить преступные действия в то время, когда источник начал сотрудничать с полицией, подчеркнул Суд. В тех делах, когда в ходе судебного разбирательства определенная информация не была раскрыта на основании конфиденциальности, суды не обеспечивали, чтобы вся информация, имеющая отношение к расследованию подстрекательства, была открыто передана суду первой инстанции или проверена в состязательной манере, или не приводило подробных причин отказа сделать это вопреки требованиям статьи 6 Конвенции. Отсюда следовало – в каждом из дел заявления заявителей о подстрекательстве не были должным образом рассмотрены национальными судами (пункт 103 постановления).

Суд отметил, что вышеупомянутые недостатки в проведении тайных операций и неспособность судов первой инстанции обеспечить эффективный судебный пересмотр заявлений о провокации были результатом отсутствия нормативной базы, обеспечивающей гарантии против злоупотреблений в проведении проверочных закупок. Структурный характер этой проблемы уже был установлен в деле «*Веселов и другие»* и повторен в деле *«Лагутин и другие»*. В свете вышеизложенных соображений Суд резюмировал*:* в совокупности эти элементы подрывают справедливость уголовного

судопроизводства по указанным делам в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (пункты 104–105 постановления).

Суд установил нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции по делу, связав его со структурной проблемой отсутствия надлежащей нормативной базы, поскольку она не обеспечивала эффективных правовых гарантий против злоупотреблений. Кроме того, к декабрю 2020 года Суд вынес двадцать постановлений по 121 аналогичной индивидуальной жалобе (пункт 113 постановления).

В связи с вышеизложенным Суд, отмечая усилия, предпринятые до настоящего времени российскими властями, в частности, Верховным Судом Российской Федерации, по совершенствованию рассмотрения заявлений о провокации на национальном уровне, и вновь заявляя, что выбор инструментов остается полностью на усмотрение государства-ответчика, счел целесообразным указать в соответствии со статьей 46 Конвенции - требуется дальнейшая реформа существующей нормативно-правовой базы (пункт 115 постановления).

Суд указал, что суть проблемы заключается в отсутствии четкой и предсказуемой процедуры для санкционирования тайных операций, например, проверочных закупок и оперативных экспериментов, что в конечном итоге подрывает эффективное рассмотрение заявлений о провокации судами первой инстанции. В соответствии с прецедентной практикой Суда, разрешение на проверочные закупки и аналогичные тайные операции должно выдаваться органом, независимым от органа, проводящего операцию. Роль санкционирующего независимого органа заключается в проверке наличия веских причин для планируемой операции, которые должны быть обоснованы конкретными и подробными представлениями запрашивающего органа. Тот же орган должен также контролировать проведение операции или обеспечивать, чтобы файл содержал достаточную информацию для другого независимого органа – в конечном счете, суда первой инстанции – для проведения содержательного рассмотрения, чтобы исключить провокацию и другие нарушения закона (пункт 116 постановления).

Суд подчеркнул связь между предварительным рассмотрением причин проведения тайных операций и последующей способностью судов эффективно рассматривать заявления о провокации. По этой причине он счел: судебное санкционирование повысило бы эффективность пересмотра на обоих этапах: в ходе расследования и впоследствии при рассмотрении уголовного дела по существу. В этой связи было отмечено, что для некоторых других оперативно-розыскных мероприятий, таких как обыск домов и прослушивание телефонных разговоров, судебное разрешение уже необходимо в соответствии с российским законодательством. При этом Суд не установил никаких структурных недостатков в делах, когда обыск и прослушивание были назначены судами, в отличие от дел, когда суды были

обойдены с помощью оговорок о срочной процедуре, которая была признана недостаточной. Институциональные и процедурные соображения, таким образом, предполагают, что судебные полномочия могут быть расширены, чтобы также санкционировать тайные операции аналогичным образом. После этого, как полагает Суд, национальные суды могут проводить надлежащее рассмотрение жалоб о провокации согласно стандартам Конвенции (пункт 119 постановления).

С учетом вышеизложенного Суд счел, что для предотвращения подобных нарушений в будущем российские власти должны устранить структурный дефект, ранее выявленный Судом. Он решил целесообразным указать: российская правовая база, касающаяся проведения оперативно-розыскных мероприятий, должна быть изменена таким образом, чтобы предусмотреть четкую и предсказуемую процедуру санкционирования тайных операций, таких как проверочные закупки и оперативные эксперименты, судебными органами, обеспечивающими эффективные гарантии от злоупотреблений (пункт 120 постановления).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами Организации Объединенных Наций, размещены по адресу:
URL: http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx.

Неофициальный перевод постановлений Европейского Суда по правам человека получен из аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.